

По мнению Брюса, прогресс Матео после Рождества был весьма впечатляющим, ребенок воспринял перемены спокойно и был рад любому вниманию. Пожалуй, он был слишком счастлив, когда Брюс хвалил его или терпеливо выслушивал его вопросы. Но не было никаких тревожных негативных проявлений, которые беспокоили Бэннера, например, он настаивал на приготовлении пищи или не ожидал, что его будут кормить каждый раз, когда Брюс готовил еду.

Ему потребовалась неделя, чтобы полностью избавиться от этой привычки, но помогло то, что Матео вцепился в попытки читать, как пиявка. В результате он часто оказывался за столом в столовой, когда Брюс готовил, и он легко ставил перед мальчиком еду, чтобы тот видел, что у него есть еда. Брюс также старался носить фрукты в своей медицинской сумке, чтобы передавать их Матео, пока он провожает их к следующему пациенту. Правда, при этом он рисковал, что еда попадет ему в волосы, но Матео был довольно аккуратным едоком, когда ему это было нужно. Вероятно, это было еще одно последствие голодания дома, хотя он не очень хорошо знал, как пользоваться столовыми приборами, мальчика нельзя было обвинить в том, что он не тратит ни крошки.

Улучшения Матео могли помочь, дав ребенку новое имя и новое положение в жизни, вместо того чтобы пытаться заставить Гарри изменить себя. Возможность полностью отрешиться от своей прежней жизни позволила ему сформировать совершенно новую личность, свободную от всех старых сознательных привычек и ожиданий, привитых Дурслями. У Брюса закипала кровь при мысли о том, что с таким невинным и любящим ребенком обращались не лучше, чем с собакой, и что он пришел к убеждению, что для него правильно служить своей семье.

Итак, все вроде бы шло хорошо, и Брюс был почти уверен, что Матео удалось избежать каких-либо необратимых психологических проблем. А потом Матео уронил чашку.

Матео жил с ним уже месяц, и ребенок все еще привыкал к различным вкусам индийской еды. В тот вечер они обнаружили, что ему не очень нравится жареный банан, который Брюс приготовил в качестве несерьезного дополнения к еде. Матео охотно попробовал его и продолжал жевать после первого укуса, но Брюс понял, что ему это не понравилось.

"Если тебе не нравится, я не собираюсь заставлять тебя есть это. Я не фанат печени, поэтому знаю, что есть продукты, которые тебе не понравятся", - мягко сказал Брюс.

"Извини, мне не нравится", - извинился Матео и опустил глаза.

"Все в порядке, Матео, жареный банан - немного странное блюдо", - Брюс улыбнулся и сумел добиться от мальчика хоть какого-то проблеска. "Пойди выпей сока, чтобы вымыть вкус изо рта, я купил еще кое-что, что ты, возможно, захочешь попробовать".

Брюс не был уверен, что ему действительно следовало так свободно распоряжаться деньгами, как в тот день в магазине, но он хотел, чтобы Матео прибавил в весе. Самый простой способ сделать это, который он знал, - увеличить количество сахара и калорий, которые он потребляет, поэтому жареные бананы и шоколад все еще были спрятаны в его сумке. Брюс,

будучи в основном вегетарианцем - никогда нельзя быть уверенным в том, сколько лет некоторым видам мяса в разных странах, - знал, что их еда уже наполнена белком и витаминами, необходимыми Матео, чтобы устранить недостаток внимания со стороны его родственников. У ребенка практически не было аппетита, когда он приехал, так что это тоже было то, что Брюс все еще пытался исправить.

Его размышления прервал звук бьющегося стекла на кухне. "Ты там в порядке, Матео?"

Ответа не последовало, поэтому Брюс быстро отодвинул свой стул от стола и быстро пошел на кухню на случай, если там будет не только кровь, но и разбитое стекло.

Тем временем Матео был немного не в себе. Как он мог быть таким глупым? Надо было взять стул, а не пытаться нащупать стакан, а теперь он валялся на полу, и его точно побьют. Едва стихли звуки разлетающихся осколков, как глубокий голос окликнул его, и он испуганно вздрогнул. Он уже слишком сильно запаниковал, чтобы обратить внимание на то, что голос был скорее обеспокоенным, чем сердитым.

Тяжелые шаги стали приближаться, и Матео застонал, поняв, что последует дальше. Он знал, что есть один способ немного смягчить наказание, которое он вскоре получит, поэтому Матео поспешно снял рубашку, положил руки на шкафы перед собой и приготовился к ремню.

Брюс, спотыкаясь, вошел на кухню и замер от увиденного зрелища. Звук разбивания, который он услышал, действительно был одним из стаканов, оставленных на стойке для слива воды. Он не был обеспокоен потерей, но реакция Матео потрясла его. Мальчик принял позу, которая говорила об опыте избиения, его ноги были расставлены, а руки лежали на шкафу перед ним, чтобы помочь ему принять удар. Его любимая зеленая рубашка была аккуратно сложена и отложена в сторону, чтобы уберечься от повреждений и крови.

Вид медленно заживающих рубцов на его спине вызвал желчь в горле Брюса, когда он понял, что Матео не совершил такого скачка в своем прошлом, как он сначала думал.

"Простите, сэр, я не хотел", - беззвучно произнес Матео, и сердце Брюса оборвалось.

"Матео, я никогда не буду бить тебя, пожалуйста, надень рубашку", - сказал он, его голос слегка надломился в конце.

Матео вздрогнул, но остался на месте.

"Я клянусь тебе, что никогда не буду наказывать тебя подобным образом. Пожалуйста, посмотри на меня, сынок", - умолял Брюс.

Ребенок осторожно повернулся, но не отводил глаз от пола. Брюс осторожно обошел стекло, встал на колени возле мальчика и осторожно подтолкнул его подбородок вверх, пока их глаза

не встретились. "Ты мой сын, и я никогда не причиню тебе такой боли из-за несчастного случая. Даже если бы ты сделал что-то ужасное с целью причинить мне боль, я бы никогда не подумал поднять на тебя кулак или ремень. Пожалуйста, не думай, что побои - это то, чего ты заслуживаешь, или то, чего ты должен ожидать от меня".

"Прости, папа", - в конце концов прошептал Матео, его голос слегка надломился.

"Все в порядке", - Брюс осторожно притянул его в объятия и нежно погладил дрожащую голову ребенка. "Просто помни, что ты теперь мой сын, и помни, чего я от тебя жду".

"Быть счастливым и уважительным ребенком, задавать вопросы, когда я хочу, и есть мою еду", - машинально повторил Матео.

"Правильно, так что забудь все те старые правила, которые у тебя были", - Брюс вздохнул, когда мальчик повторил свои новые "правила", но пока оставил это без внимания. Главное, чтобы его сын знал, что ему не нужно бояться этого лица своего отца.

В течение нескольких недель после этого события Брюс следил за ребенком как ястреб, решив убедиться, что у него больше не будет рецидива старых привычек. Худшие триггеры возникали, когда мальчик ожидал наказания за что-то, поэтому Брюс следил за тем, чтобы Матео постоянно напоминали, что он не будет наказан. Временами он бывал довольно навязчивым, но это было необходимо.

Временами его одержимость можно было считать пагубной для его собственной психики, но она предотвращала некоторые негативные тенденции, которые у него были. Брюса постоянно мучила тревога, что что-то пойдет не так, и он потеряет его, в результате чего появится Другой Парень. Его худшим кошмаром было то, что, придя в себя, он обнаружит у своих ног разбитого и окровавленного Матео. Много раз он просыпался от этого кошмара, и ужас, который он вызывал, не покидал его в течение дня.

Он пытался планировать другие варианты, которые были бы лучше для ребенка, например, семьи, которым он доверял, или страны с хорошим уровнем усыновления, в которых он мог бы оставить Матео. Но по мере того, как шли дни, и они становились еще ближе, Брюс не мог заставить себя подумать о том, чтобы отдать ребенка. Это было эгоистично с его стороны, и если его кошмар когда-нибудь станет реальностью, он знал, что это сокрушит его, но видеть, как Матео улыбается, бегая вперед по дороге, или смотрит с восторгом, решая очередное математическое уравнение, облегчало чувство вины и одиночества в его душе.

Поэтому Брюс научился не обращать внимания на тоненький голосок, который шептал ему на ухо, что он все испортит, научился сдерживать Другого Парня, чтобы тот не появлялся, и бросил все силы на то, чтобы у Матео было лучшее детство, которое он мог обеспечить. Даже по вечерам, когда очень часто все, что ему хотелось делать, - это готовить и спать, он прогонял усталость и следил за тем, чтобы Матео ежедневно получал уроки письма и математики, чтобы ребенок мог добиться большего прогресса.

Ему также пришлось научиться перестать быть недоверчивым каждый раз, когда полицейская машина мчалась к ним с включенными фарами и проносилась мимо, не удостоив их с Матео и второго взгляда. Брюс никогда не задерживался на одном месте так долго - то ли вид американских военных заставлял его, то ли чувство паранойи. Но пока что он находился в Кочи уже более четырех месяцев и все еще не почувствовал знакомого зуда на затылке, который часто появлялся за неделю или около того до того, как он обычно уезжал.

В каком-то смысле он был невероятно расстроен, он не мог успокоиться и остаться на одном месте навсегда, так как это увеличило бы шансы быть найденным. Однако у него не было никакого желания выкорчевывать их жизни и двигаться дальше без всякой причины, кроме собственной паранойи. Когда-то, когда он еще жил нормальной жизнью в Америке, он слышал, что детям полезны рутина и постоянство в их жизни, а выкорчевывание их жизни может оказаться контрпродуктивным для его попыток помочь Матео стать нормальным. Поэтому, несмотря на тоненький голосок, шепчущий ему, что нужно бежать отсюда далеко и быстро, Брюс решил остаться в этом районе еще на некоторое время, по крайней мере, пока не появятся явные доказательства того, что они должны уехать.

Матео был совершенно уверен, что за ним должно присматривать какое-то существо, ведь его молитвы наконец-то были услышаны. Наконец-то он жил жизнью, которой был доволен, с кем-то, кто любил его и не относился к нему как к грязи. Вначале было крайне неприятно осознавать, что ему каким-то образом удалось добраться до Индии, и он втайне боялся, что Брюс может рассердиться на его чудачество.

Он знал, что этот человек умен, гораздо умнее, чем когда-либо был дядя Вернон, поэтому он, вероятно, сразу понял, что с Матео что-то не так, раз ему удалось так далеко уехать. Однако этот человек также казался бесконечно добрее дяди Вернона. Он купил ему подарки на Рождество, не ожидая ничего в ответ, и, казалось, действительно хотел, чтобы Матео был счастлив. Брюс также, казалось, знал, как стать лучшим отцом: он следил за тем, чтобы Матео как можно больше узнавал о том, чего он хочет, а не просто кормил его и говорил, чтобы он избивал других детей.

Он боялся, что Брюс поймет, что его причуды навсегда, и что однажды человек, который просил его называть себя папой, может больше не захотеть его. Поэтому Матео сосредоточился на том, чтобы стать самым лучшим ребенком, каким он только мог быть, чтобы у Брюса не было причин избавиться от него. Он также очень надеялся, что никто не найдет их и не заберет его к родственникам. Однажды Матео попытался убежать, но успел добежать до конца дороги, прежде чем дядя Вернон поймал его. Пока он тащил его домой, дядя Вернон сказал, что есть люди, которые всегда возвращают детей в семью, когда они убегают, а Матео очень не хотел, чтобы его нашли.

И, похоже, галактическое высшее существо, которое помогло ему сбежать от Дурслей, продолжало улыбаться ему, так как за многие годы за ним никто не приходил.